

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.048

Методологические проблемы философского исследования китайской ментальности

Просеков Сергей Анатольевич

Кандидат философских наук,
доцент Департамента социологии, истории и философии,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: ProsekovSergei@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена определению наиболее актуальных и сложных методологических проблем исследования менталитета вообще и китайской ментальности в частности, очерчивает круг тех понятий и принципов, которые используются в качестве инструментария при изучении данной предметной области. Показано, что эти проблемы связаны с новыми методологическими подходами как в философии, так и в синологии, и в исторической антропологии. Это вопросы применения системного, структурно-функционального, синергического подходов в философском знании, междисциплинарных подходов из теории И. Пригожина и др. Это и категории постмодерна, которые еще недостаточно подвергнуты философской рефлексии. Будучи предметом рассмотрения социальной философии, истории ментальностей и ряда других дисциплин, исходные концепты «ментальность», «менталитет», «картина мира», «национальный менталитет» и др. сегодня не имеют общепризнанного толкования. Автор приводит наиболее распространенные и эвристические определения ментальности (полагая синонимами это понятие, понятие менталитета и картины мира) и предлагает собственное рабочее определение. Рассматривая узловые проблемные зоны, автор представляет ряд собственных решений или указывает на уже существующие как наиболее предпочтительные.

Для цитирования в научных исследованиях

Просеков С.А. Методологические проблемы философского исследования китайской ментальности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 6А. С. 142-153. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.048

Ключевые слова

Ментальность, менталитет, картина мира, Китай, постмодерн, прагматическое мышление, логос, архетипы.

Введение

Особенности философского подхода к изучению китайской ментальности тесным образом связаны с современными методологическими проблемами как самой философии, так и синологии, а также теории и истории ментальностей (отличать ли последнюю дисциплину от исторической антропологии или в данном случае не придавать этому различию существенного значения).

Основное содержание

В философии второй половины XX века приобрел права гражданства системный метод. Правда, на практике он до сих пор чаще провозглашается, чем осуществляется. В лучшем случае в философских публикациях приводятся материалы исследований из различных научных дисциплин, но нечасто реализуется синтез разнородных результатов и осмысление собственных методологических основ. Также философам еще предстоит осваивать практически структурно-функциональный подход к изучению сложных систем вроде социальных феноменов, подход синергетический, применяющийся для исследования сложных открытых неравновесных систем, методологические принципы теории И. Пригожина и др. Проблемы освоения философией этих междисциплинарных методов, разработанных изначально в математике, а также в биологии, физике и иных естественных науках, связаны с тем обстоятельством, что крупные социальные явления, представляя собой сложные системы, обладают своей собственной спецификой – вот в этом и состоит трудность. Сложное, включая в себя более простые уровни, к ним не сводится, а обладает синергическими качествами, редукционизм же, давно скомпрометированный теоретически, практически продолжает нередко оставаться объяснительным принципом в философии. Представляется, что такая ситуация сложилась прежде всего потому, что в XX столетии философы, за редким исключением, отказались от онтологии, признавая законные права лишь за эпистемологией: осмысленным стал считаться вопрос не каков мир на самом деле, а какова наша картина мира. Классическая философия завершается Гегелем, а затем «на смену философии системы приходит философия умонастроения – философия реальности, преломленной в человеческом переживании. Умонастроением, заполнившим конец XIX столетия, стала так называемая философия жизни. Она сменилась экзистенциальной эрой 1930–1950-х годов, а последняя в свою очередь – тем особым и неповторимым умонастроением — общественным, философским, научным, художественным — которое приходится на третью четверть XX столетия» [Квабе, 1995]. Это период шестидесятых годов со своим типом мышления и настроений, продлившийся, условно говоря, до середины восьмидесятых, после чего он сменился постмодерном (дословно «после современности»). Принципы постмодерна кратко сформулированы следующим образом: «часть всегда права перед целым; индивид всегда прав перед обществом; свобода всегда права перед ответственностью; субъективное самовыражение важнее объективной истины, которой, впрочем, и не существует, ибо все, что вне индивида и его свободы, навязано, т. е. существует насильственно, искусственно, а потому ложно; культура семиотична, но в силу абсолютной индивидуальности восприятия знаков денотаты их принципиально неуловимы, а коды нерасшифруемы» [Квабе, 1995].

О постмодерне издано огромное количество литературы, ознакомление с которой создает впечатление «смерти философии как таковой», или, как выражаются мягче, «осени

эпистемологии» [Розов, www...]. Тем не менее ни наука, ни философия уже не могут претендовать на описание мира, абстрагируясь от субъекта (прежний критерий научности пал), а общепризнанными в постхристианской цивилизации стали отказ от идеи «вторичности» субъекта, его «производном» характере от объекта, введены постулаты о «первичности» субъекта с его картиной мира, который, как провозглашается, перестает быть одной из сторон в бинарной оппозиции «объект/субъект», поэтому, строго говоря, ведь ни о какой «первичности» вообще речи быть не может, но, поскольку «плюс» имеет смысл лишь при наличии «минуса», «правое» – при наличии «левого» и пр., «объект» контрабандным образом все же оказывается присутствующим в мысли и мироощущении. Внедряются идеи о равенстве всех людей и все чаще – их равновеликости, равноправии и одинаковости независимо ни от каких иерархий, включая естественные различия по полу, возрасту, образованию, профессии, культуре и т.п., о репрессивности всякой общности, включая разум, язык и истину, и о том, что с этой «репрессивностью» следует всячески бороться, о большей ценности хаоса перед структурированностью, а также, в целом, ведущей становится антропологическая ориентация гуманитарного знания вообще и философии в частности при элиминации понимания человека исключительно как рационального существа, а его истории – как неизменно прогрессивной и единой для всего мира причинно-следственной цепи великих деяний. Эти идеи и принципы все еще подлежат глубокой критике – критике в кантовском смысле слова.

Сами исходные концепты темы ментальности не имеют сегодня общепринятых определений, как не определяются в рамках евклидовой геометрии базовые понятия «точка», «прямая», «плоскость». Некоторые авторы видят в этом большую беду, умножая и без того необозримое количество дефиниций ментальности, существующих в мировой научной литературе, в попытках найти единственно точное понятие, иные – напротив, обнаруживают тут достоинство, как французские историки Ж. Ле Гофф и Ж. Ревель, указывавшие на пластичность базового понятия как открытость для новых гносеологических возможностей; чешский медиевист Франтишек Граус полагал, что «ментальность» определить так же невозможно, как «культуру» (недаром для последнего понятия насчитывают многие сотни дефиниций), но возможно его описывать; примерно такого же мнения придерживается и немецкий исследователь П. Динцельбахер, который полагает, что ментальность выражается в действиях и являет собою сочетание способов мышления и восприятия, определяющих для группы в тот или иной период времени. А.Я. Гуревич считал, что данный концепт трудно определить, поскольку в самой реальности он не выделен, а пронизывает собою весь человеческий мир [Гуревич, 1989]. А отдельные интеллектуалы само это понятие, вошедшее в научный мировой лексикон в XX столетии и закрепившееся благодаря французской школе «Анналов» и возникшим новейшим научным дисциплинам – истории ментальностей, исторической антропологии – лихо объявляют лженаучным, а значит, определять которое – и вовсе затея ненужная, его попросту не следует употреблять (Е.М. Шульман).

Укажем на некоторые основные, на наш взгляд, определения менталитета, или ментальности, или картины мира («...именно картина мира, включающая в себя, в частности, представления о личности и ее отношении к социуму, о свободе, равенстве, чести, добре и зле, о праве и труде, о семье и сексуальных отношениях, о ходе истории и ценностях времени, о соотношении нового и старого, о смерти и душе (картина мира в принципе неисчерпаема), именно эта картина мира, унаследованная от предшествующих поколений и непрерывно изменяющаяся в процессе общественной практики, лежит в основе человеческого поведения» [Гуревич, 1989]) – данные понятия можно считать синонимичными. При этом нельзя не

отметить, что существует и несогласие с употреблением понятий «картина мира» – и «менталитет» и «ментальность» как синонимов. Есть основания эти дискуссии считать спором о словах, а не о реалиях, которые мало что добавляют к пониманию предмета исследования.

Однако предварительно целесообразно отметить отдельно, что понятия «ментальность» и «менталитет» многими отечественными специалистами трактуются как синонимы, однако другие исследователи вводят их различие. Материал тут необъятный, обзор определений, данных в основном в русскоязычной литературе, опубликован, например, в статье 2002 года Е.В. Харитоновой «Соотношение понятий “менталитет” и “ментальность”» [Харитоновна, www...], но сегодня этот обзор может быть расширен до весьма и весьма изрядных объемов. Е.В. Харитоновна выделяет описательные определения, психологические, нормативные, структурные, генетические, исторические. Одни авторы, которые разделяют понятия «менталитет» и «ментальность», определяют ментальность как «универсальную способность индивидуальной психики хранить в себе типические инвариантные структуры, в которых проявляется принадлежность индивида к определенному социуму и времени. Свое конкретно-историческое воплощение ментальность находит во множестве менталитетов разных эпох и народов» [Харитоновна, www...]; другие утверждают, что «менталитет» имеет общечеловеческое значение, как «мышление» или «сознание», а ментальность относится к национально-этническим, историческим или сословным феноменам («русская ментальность», «средневековая ментальность» или «купеческая ментальность»); третьи убеждены в том, что ментальность – это проявления менталитета, или состояние отдельного человека, или более узкое понятие, входящее в понятие «менталитет» как составная часть последнего; ментальность более релятивна, менталитет более устойчив к изменениям, и т.п. [Харитоновна, www...].

В.В. Собольников считает ментальность наиболее древним духовным образованием, на основе которого формируются менталитеты [Собольников, 2018].

Представляется, что если оценивать такое различие «менталитета» и «ментальности» по полезным следствиям для понимания реалий, то их явно недостаточно, разве что удовлетворение исследовательской жажды все классифицировать исключительно для собственного удобства, поэтому вполне допустимо видеть тут синонимы. Нередко также появляется мысль об избыточной креативности отечественных исследователей в том, что касается создания классификаций и системосозидательства: насколько можно судить, в наиболее распространенных европейских языках для обозначения концепта используется одно слово: *mentality* в английском, *mentalität* в немецком, *mentalité* во французском.

Концепт ментальности (менталитета) определяется, например, как социально обусловленные, коллективные, очень устойчивые установки, представления, ценности и эмоции массового сознания, их синкретическое единство, при котором мысль не отделяется от эмоций (Л. Февр; относя их к сознанию, Февр толковал его расширительно, включая сюда и бессознательные структуры); первичными при этом считаются эмоции («идеи бедняков») как явления массовые, из которых вырастают идеи, маркирующие индивидуальное начало в истории. Американская история права, напротив, утверждает, что первичны идеи, которые, рождаясь в голове автора, затем получают массовое распространение. Думается, что проводимое в обоих случаях разделение на эмоции и идеи справедливо только для определенных, не самых базовых и не самых глубоких уровней ментальности, поскольку, как подчеркивал тот же Л. Февр, они составляют на этой глубине ментальности органическое целое, являясь не эмоциями и не идеями, а базовыми принципами, организующими мировосприятие и

практику, некими «кристаллическими решетками», которые в разных культурах обретают разные формы: «*Mentalité* означает нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, т.е. глубинный и поэтому труднофиксируемый источник мышления, идеологии и веры, чувства и эмоций» [Рожанский, 2010].

Говоря о ментальности эпохи или нации, группы или профессии, подчеркивают «коллективность» составляющих ее элементов, и это связано с определением Ж. Лефевра, с его понятием «коллективной ментальности», что может быть понято – и нередко понимается – как совокупность структур и свойств, присущих всем или большинству членов социума или группы. Однако некоторые авторы (к примеру, французский медиовист Ален Буро) справедливо подчеркивают, что в данном случае имеется в виду не господствующие дискурсы, а «диагональные» структуры, составляющие основу разных дискурсов, но позволяющие идентифицировать как единство ментальность того или иного исторического периода, нации и т.п. Автор настоящей статьи убежден в том, что есть основания думать о менталитете большой группы как «диагонали», или «равнодействующей», поскольку «кристаллические решетки» (если использовать образ К.Г. Юнга для архетипов) обретают конкретные формы с «нарастанием» на них конкретно-культурной образности, которая может несколько различаться у элементов (подсистем) данной системы, однако объединены своим общим «скелетом».

Нередко у отечественных авторов встречаются утверждения о монолитности, взаимной согласованности элементов ментальности, что очевидным образом противоречит реальному положению вещей: базовые основы менталитета могут быть «параллельны», могут противоречить друг другу, особенно если его принципом, как у китайцев, является ситуативность нормы при отсутствии универсальных принципов добра и зла, должного и недолжного, истины и лжи. В этом смысле можно, скорее, говорить о предрасположенности к эмоции, принципу и/или поступку, а не об однозначном следовании заданным ментальностью образцам. Именно об отсутствии логической согласованности элементов ментальности писали и французские ученые. Как видится, тут речь должна идти о комплементарности элементов-подсистем, если ментальность понимать как систему.

В литературе попадаются утверждения о том, что собственный менталитет не может быть выявлен носителем, его способны диагностировать и описать только извне. С такими мнениями нельзя согласиться, поскольку основы собственного менталитета в сравнении с другими выступают отчетливее, но не сокрыты для возможности рефлексии над ними и без подобных сравнений. Подобная рефлексия трудноосуществима, поскольку одним из главных качеств ментальности является то, что ее принципы работают как «сами собой разумеющиеся», по схеме «а как же иначе?» Но рефлексия на то и рефлексия, что предполагает выявление того, что «само собой разумеется» как вовсе не очевидного. Кроме того, инокультурный исследователь должен быть очень погружен в реалии изучаемого жизненного мира, практически став бикультуральным человеком (как бывают билингвы – люди, для которых родными являются два языка, они владеют ими в равной степени), а также быть разносторонне образованным специалистом, чтобы не приписывать характерные для своего менталитета мотивы и следствия совсем иному менталитету, что нередко случается с самыми авторитетными исследователями. Так, автор недавно изданной книги, уже упоминавшейся выше [Собольников, 2010], высказывает мысль о том, что ни даосизм, ни буддизм не были прозелитистскими религиями, никого в свою веру не обращали, а потому в Китае нет конфликтов на религиозной почве, что

якобы свидетельствует о небольшой глубине религиозной веры китайцев: она как будто устроена по принципу полезного обмена, если верующий желает получить выгоду, он совершает обряды. Тут нельзя не сказать, что миссионеры для проповеди буддизма в Китае – были; что буддизм пережил несколько суровых гонений, пока не китаизировался; что более позднее относительно гармоничное сосуществование «трех религий» (даосизма, буддизма, конфуцианства) никак не отменяет дискриминации и, мягко говоря, сложного положения иных конфессий в XX столетии и в современном Китае; что считать «неглубокими» религиозные верования китайцев, для которых идеалом является установление и поддержание гармонии с Небом, и приписывать им свойства торговой сделки не очень корректно. То есть, если иметь в виду понимание отношений с Небом как сделки, – так бывает, но подобное случается и в христианстве, и в любой другой развитой религии постольку, поскольку массовое сознание не обходится без элементов магии. Однако буддизм, хотя и китаизированный, остается мировой высокоразвитой религией, а отличия религий от магии хорошо сформулированы Ю.М. Лотманом. Магическая система отношений включает в себя взаимность (оба агента активны; принудительность (оба действующая способны точно определенными действиями влиять друг на друга – колдун – на высшую силу, высшая сила – на колдуна); эквивалентность (равенство обмена); договорность (тип отношений - договорной). Религиозная система отношений предполагает односторонность (верующий надеется на милость высшей силы, но она не гарантирована); отсутствие награды (которое не является основанием для разрыва отношений), отсутствие принудительности (один актер стремится отдать все, другой – высшая сила – ничего верующему не должен); отношения не эквивалентны; эти отношения – не договор, а безусловный дар [Лотман, 1996]. Таким образом, вышеприведенные характеристики религиозности китайцев – китайцев вообще как суперэтнуса – трудно назвать релевантными.

Еще один пример из книги того же автора. Имея в виду китайцев, он пишет в обобщенном виде: «Подчиненность личности обычаям, традициям, ритуалам, этническим нормам и стереотипам ограничивает ее развитие» [Собольников, www...]. Это общее место для европейского менталитета Нового времени, и справедливо оно также для той эпохи и того локуса. Сегодня, когда, как показывает анализ мира постмодерна, при объявленном отсутствии «чужих» и декларируемом принципе «все свои», при оценке всякой общности как репрессии, от которой следует всеми силами освобождаться, при нигилистическом отношении европейцев к европейской культуре и ее традициям, исчезновении естественной идентичности – национальной, культурной и т.д. – и стирании разнообразия жизненных пространств, но сохранении ценности общности и идентичности у других, неевропейских народов, а также поднимающейся волне шовинистических настроений в Европе в качестве реакции на принципы и практику постмодерна, европейская цивилизация переживает тяжелейший кризис, чреватый ее исчезновением как таковой. И вот в этих условиях китайская верность традициям, принцип иерархической подчиненности (при искони присущим китайцам прагматичности, активизме и эгоцентризме в расширительном понимании «эго»), быть может, показывает цивилизационный выход из тупиков, в которых оказался весь «цивилизованный» мир.

Ле Гофф определяет ментальность как «безличное содержание мышления» [Роже, 2004]. Итальянский историк К. Гинзбург понимает менталитет как архаическое, аффективное, иррациональное: «Для исследований ментальности характерна сосредоточенность на бессознательных, глубинных, пассивных элементах картины мира. Всякого рода пережитки, архаизмы, аффективные и иррациональные мотивировки – вот что составляет специфический

предмет истории ментальностей <...> Истории ментальностей свойственен внеклассовый подход, она изучает, как выразился один из ее представителей, то общее, что имеют между собой “Цезарь и последний из его легионеров, св. Людовик и крестьянин, вспахивавший его владения, Христофор Колумб и матрос с его каравеллы”» [Карло, www...]. Тут, как представляется, сужен концепт ментальности: последний включает в себя и бессознательные структуры, и осознаваемые, однако структуры максимальной степени общности: отношение к жизни, смерти, к труду, к власти и пр.

Немецкий историк Г. Телленбах трактует менталитет как «всеобщую установку или коллективный образ мысли, обладающий относительным постоянством и основывающийся не на критической рефлексии или спонтанных случайных мыслях, а на том, что рассматривается в пределах данной группы или общества как само собой разумеющееся» [Телленбах, 1996]; элементы менталитета могут быть долговременными и относительно короткоживущими.

Существенной методологической проблемой, не имеющей пока удовлетворительного решения, является вопрос о причинах изменения ментальности во времени. Сегодня стала очевидной и ограниченность принципа стадильности, в соответствии с которым, следуя Леви-Брюлю, ученые трактуют пралогическое (мифологическое) и логическое мышление (сознание, бессознательное) как примитивное и развитое. Можно думать, что мифологические структуры не исчезают с развитием логоса, когда он становится доминирующим способом отношения к миру, а уходят на задний план, в сферу бессознательного, оставаясь очень важными для сохранения целостности личности. И действительно, если, положим, время – это «стрела», т.е. однонаправленно и необратимо, то почему современные люди отмечают дни рождения или кончины, ведь это однократные акты? Ответ видится лишь один: потому что чувство цикличного времени ушло в подсознание современного человека, оставаясь при этом «работающим» инструментом.

Английский историк Питер Бёрк указывал, что история ментальностей интересуется прежде всего коллективными психологическими установками; проявляет внимание к неосознанному и невербальному, к повседневности; исследует устойчивые формы мышления (метафоры, символы и пр.). Это верно, если, как сказано выше, коллективность понимать как интегральную, «диагональную» характеристику разных качеств ментальности, а не просто структуры, присущие большинству.

В.В. Соболевников определяет менталитет как «определенную совокупность тех компонентов сознания <...>, которые обуславливают его структурную целостность и качественную определенность социальных (этнических) общностей, позволяющих идентифицировать их посредством проявляемых готовностей, предрасположенностей и установок действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом» [Соболевников, www], при этом каркасом менталитета социума он считает модель, складывающуюся из отношений китайцев со своей группой, их включенности в общественную ритуализированную жизнь и отношений с Небом, от которых зависит судьба людей [Соболевников, www].

Представляется важным высказать следующее соображение. Состав и структуру менталитета (элементы и их соотношения) следует изучать в соответствии не с абстрактными схемами «менталитета вообще», как это часто делается сегодня, а с тем, что конкретный менталитет включает и как он сам структурирован. Так, в китайском менталитете нет проблемы субъекта и объекта, тела и души, характерных для европейского менталитета, зато есть иные

базовые понятия, определенным образом друг с другом соотносящиеся. Кроме того, важно, чтобы описание картины мира включало градации ее уровней по степени обобщения и абстрактности, осознанности/осознаваемости и неосознанности/неосознаваемости и т.д. Можно привести пример, в котором выделены уровни ментальности, его содержание таким образом, что схема не годится и не может годиться для описания всех и разных менталитетов, что наглядно показывает: общая схема всех ментальностей мира и истории связана с субъективными предпочтениями, привычными для менталитета исследователя, а не с качествами самого объекта изучения. Так, по мнению немецких авторов, менталитет включает одновременно и, видимо, однопорядково следующие пункты (тут придется позволить себе объемную цитату):

«– Оценка соотношения между душой и телом; сознательная оценка и неосознанная роль телесного (напр., тело, как темница души; идеал психосоматической целостности);

– Точка зрения на юность и старость и на превалирующее их общественное положение (напр., геронтократия, культ юности);

– Отношение к сексуальности и значение любви (напр., разделение секса, любви и супружества; романтическая любовь как смысл бытия);

– Страхи и надежды (напр., представления о потустороннем мире; утопии);

– Представления о соотношении радости, страдания и счастья, напр., атараксия (с греч.) (т. е. невозмутимость, полное спокойствие духа, к которому, по учению стоиков, должен стремиться мудрец); преодоление страдания с помощью успокаивающих средств;

– Оценка и преодоление болезненности (напр., понимание болезни как божьего наказания; представление о болезни как дефекте биологического механизма);

– Представления о смерти и поведении человека при умирании (напр., умирание как цезура внутри жизни; смерть как вытеснение из мира повседневности);

– Переживания между индивидом, семьей и обществом (напр., в группе взаимосвязанных индивидуумов; культ индивидуального гения);

– Общественные критерии ценности (напр., честь и стыд; консерватизм и прогрессивность);

– Значение труда и отдыха (напр., праздник как религиозное отправление; «Работа делает свободным»);

– Структура и оценка власти (напр., священное происхождение власти; антиавторитарные движения);

– Отношение к войне и миру (напр., справедливые и священные войны; принципиальное отрицание насилия);

– Формы этики и права (напр., этика как божественное определение; сословное понимание права);

– Эстетические представления (напр., прекрасное и отвратительное; искусство ради искусства);

– Религиозность (напр., страх перед божеством или любовь к Богу; исключение гипотезы толкования божества);

– Оценка природы и окружающего мира (напр., анималистическое восприятие природы; защита окружающей среды);

– Космология (напр., мир как организм; мир как машина);

– Восприятие пространства (напр., святость пространства; образцы передвижения в пространстве);

- Восприятие времени (напр., циклическая картина исторического процесса; естественность или искусственность деления времени);
- Образцы мышления (напр., ассоциативное мышление; разрешение проблем в ходе дискуссии или спора);
- Регуляция поведения цивилизованным путем (напр., правила поведения за столом; жеманность, чопорность);
- Формы коммуникации (напр., письменная и устная речь; язык жестов)¹.

Представляется совершенно необходимым при обобщающих работах проводить границу между разными уровнями ментальности, хотя бы предварительно и гипотетически, и строить исследование в зависимости от свойств объекта, а не произвольно, субъективно, накладывая сетку собственной картины мира на совершенно иной объект.

Так, если уровень развития цивилизации, как это делается чаще всего, определять по техническим изобретениям, радикально изменившим мир, и не брать во внимание мотивацию их использования, то тогда передовой цивилизацией следует признать китайскую, в которой раньше европейской были изобретены книгопечатание, механические часы, построен флот и т.д., однако никакого «Нового времени» в связи с этим там не случилось, ибо флот использовался не для путешествий с целью географических открытий, как в период Нового времени в Европе, а «во славу императора», книга на протяжении веков оставалась достоянием немногих образованных людей, как и часы. Также для китайцев, как и указано нами выше, вовсе не актуальны коренные проблемы европейской ментальности – такие как вопрос о соотношении духа и тела, души и тела, что названо в вышеприведенном перечне первым элементом ментальности, и т.д.

М. Фуко критиковал понятие ментальности, введенное школой «Анналов», и заменил его понятием «дискурс».

Так или иначе, в качестве рабочего определения менталитета (ментальности), с которым можно далее работать, но которое не будет сковывающей схемой для исследователя, автор предлагает следующее: менталитет – это базовые для индивида или группы людей бессознательные и осознаваемые структуры коллективного умственного опыта, часть из которых является наиболее глубинными, синкретичными и очень медленно изменяющимися образованиями, обычно нерелефными их носителями («кристаллические решетки»: пространство, время, существование, связность), а часть – более поверхностными, дискретными и быстрее меняющимися, которые относительно легче рефлектируемы носителями (отношение к власти, труду и т.д.), при том, что каждая совокупность таких элементов может быть противоречивой, включающей в себя несогласующиеся друг с другом образования, но комплементарной, а сами базовые элементы могут меняться от одного менталитета к другому радикальным образом. Ментальность – это своеобразные «очки», через которые индивид, группа людей или социум в целом смотрит на мир и в этом смысле его проектирует.

Сегодня нередко пытаются отождествить ментальность и архетипы, что представляется неверным. Целесообразно вспомнить, что, по слову С.С. Аверинцева, архетипы – «не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность» [Аверинцев,

¹ Цит. по: Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Puchkarev_01.pdf (дата обращения 29.03.2019).

1991]. Архетипы – это форма, но даже и форма в ограниченном виде: «Содержательную характеристику первообраз получает лишь тогда, когда он проникает в сознание и при этом наполняется материалом сознательного опыта. Его форму Юнг сравнивает с системой осей какого-нибудь кристалла, которая до известной степени преформирует образование кристалла в маточном растворе, сама не обладая вещественным бытием» [Аверинцев, 1991]. А процесс превращения архетипов в образы составляет суть мифотворчества.

Представляется важным соображение В.П. Визгина, автора статьи «Ментальность» в Новой философской энциклопедии», о том, что ментальность находится в «зазоре» между неизменными архетипами коллективного бессознательного, описанными К.Г. Юнгом, и изменяющимися формами общественного сознания, как они представлены в марксизме [Визгин, 2001], при этом подобный подход избавлен как от «экономического детерминизма» последнего учения, так и от психологизма первого, избегая редукционизма, при признании социальной природы ментальности (и в этом отношении позиция автора настоящей статьи близка взглядам Л. Февра, не разделявшем биологизаторские толкования менталитета, но далекого от всяческого «экономизма»). Часто менталитет выступает у исследователей как причина косности и сопротивления людей изменениям, это очень распространенный объяснительный принцип; с одной стороны, так и бывает, но, с другой, как автор надеется показать в дальнейшем анализе китайской ментальности, напротив, может оказаться наиболее релевантным изменившемуся миру и его вызовам. Вообще стоит не забывать о том, что «основной вопрос философии» являлся основным только для периода Нового времени, а вопрос о «первичности» и «вторичности» существовал, как подчеркивали классики марксизма, только в рамках основного вопроса философии; в объективной действительности же имеет место взаимодействие и взаимовлияние.

Заключение

В заключение остается сказать еще несколько слов о методах исследования менталитета. Уже отмечалось особое значение исследования повседневности, религии, ритуалов, описания менталитетов извне и изнутри менталитета. Отдельно следует отметить включенное и невключенное наблюдение. Это известные методы социологического исследования, однако их отличие приобретает особое значение при изучении китайского менталитета. Поскольку весь этот менталитет построен на прагматике, постольку наиболее адекватно он изучается при включенном наблюдении – если речь идет об инокультурном ученом. Следует войти в эту культуру и пожить там, освоив характерные для нее практики, имея при этом специальную подготовку, образование, «глаз» и «ухо», чуткие к иной картине мира, чем картина мира исследователя, будучи готовым перенастраивать свой исследовательский инструментарий и совмещая таким образом взгляд «снаружи» и «изнутри».

Библиография

1. Аверинцев С.С. Архетипы//Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. Второе изд. Т. 1. А – К.– М.: Советская энциклопедия, 1991. 671 с., ил.
2. Визгин В.П. Ментальность//Новая философская энциклопедия в 4-х томах. Под ред. В.С. Степина. 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/698/%D0%9C%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC#sel=13:1,13:1 (дата обращения 04.04.2019).
3. Гинзбург Карло. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке [Электронный ресурс]. –

- Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/365883> (дата обращения 01.04.2019).
4. Гуревич Арон. *Ментальность*// 50/50: Опыт словаря нового мышления. Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. С. 454-456. – М.: Прогресс, 1989. 560 с.
 5. Кнабе Г.С. Знак. Истина. Круг (Ю.М. Лотман и проблема постмодерна) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/knabe95.html> (дата обращения 04.04.2019).
 6. Лотман Ю.М. Память культуры. История и семиотика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-96.htm> (дата обращения 05.04.2019).
 7. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Pyshkarev_01.pdf (дата обращения 29.03.2019).
 8. Рожанский Михаил. *Ментальность*// 50/50: Опыт словаря нового мышления. Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. С. 459-461. – М.: Прогресс, 1989. 560 с.
 9. Розов Н.С. «Осень» и будущая «весна» эпистемологии: перспективы номологического синтеза в социальных науках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001100/st000.shtml> (дата обращения 04.04.2019).
 10. Собольников В.В. *Менталитет, ментальность и этнопсихологические особенности китайцев*. – М.: Вузовский учебник, Инфра-М, 2018. 160 с.
 11. Телленбах Г. *Ментальность в средневековой концепции и практика исследования // История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах*. – М.: Институт всеобщей истории РАН. Российский государственный гуманитарный университет, 1996. 256 с.
 12. Харитоновна Е.В. Соотношение понятий «менталитет» и «ментальность» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pro-psixology.ru/istoriogenez-i-sovremennoe-sostoyanie-rossijskogo-mentaliteta/problema-mentaliteta-v-otechestvennom-sociogumanitarnom-nauchnom-znani-i-obshhestvennoj-mysli-rossii-istoriko-teoreticheskij-analiz-n-v-borisova-problema-mentaliteta-v-trudax-i-a-ilina/5324-sootnoshenie-ponyatij-mentalitet-i-mentalnost.html> (дата обращения 01.04. 2019).
 13. Шартье Роже. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2004/66/shart2.html> (дата обращения 01.04.2019).

Methodological problems of Chinese mentality philosophical research

Sergei A. Prosekov

PhD in Philosophy,
Associate Professor, Department of Sociology, History and Philosophy,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: prosekovsergei@yandex.ru

Abstract

The article «Methodological Problems of Chinese Mentality Philosophical Research» (by S.A. Prosekov) deals with the definition of the most actual and complex methodological problems of the study of mentality in general and the Chinese mentality in particular, outlines the range of those concepts and principles that are used as tools in the study of this subject area. It is shown that these problems are connected with new methodological approaches both in philosophy, and in sinology, and in historical anthropology. These are points of applying a systemic, structural-functional, synergistic approach in philosophical knowledge, interdisciplinary approaches from the theory of I. Prigogine, etc. These are categories of postmodern that are not yet sufficiently subjected to philosophical reflection. Being the subject of consideration of social philosophy, the history of mentalities and a number of other disciplines, the initial concepts of «mentality», «worldimage», «national mentality», and so on today do not have a generally accepted interpretation. The author lists the most common and heuristic definitions of mentality (assuming that this concept is

synonymous, the concept of mentality and the picture of the world) and offers his own working definition. Considering the key problem areas, the author presents a number of his own solutions or points to existing ones as the most preferable ones.

For citation

Prosekov S.A. (2019) Metodologicheskie problemy filosofskogo issledovaniya kitaiskoi mental'nosti [Methodological problems of Chinese mentality philosophical research]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (6A), pp. 142-153. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.048

Keywords

Mentality, worldimage, China, postmodern, pragological thinking, logos, archetypes.

References

1. Averintsev S.S. Archetypes // Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. In 2 volumes. Second ed. T. 1. A - K. – M.: Soviet Encyclopedia, 1991.671 pp., Ill.
2. Vizgin V.P. Mentality // New philosophical encyclopedia in 4 volumes. Ed. V.S. Stepina. 2001 [Electronic resource]. - Access mode: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/698/%D0%9C%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC#sel=13:1.13:1 (accessed 04.04.2019).
3. Ginzburg Carlo. Cheese and worms. A picture of the world of a miller who lived in the 16th century [Electronic resource]. - Access mode: <https://history.wikireading.ru/365883> (accessed 04.04.2019).
4. Gurevich Aron. Mentality // 50/50: The experience of the dictionary of new thinking. Under the total. ed. M. Ferro and Yu. Afanasyev. S. 454-456. – M.: Progress, 1989.560 s.
5. Knabe G.S. Sign. True. Circle (Yu.M. Lotman and the problem of postmodernism) [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/knabe95.html> (accessed 04.04.2019).
6. Lotman Yu.M. The memory of culture. History and semiotics [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-96.htm> (accessed 04.04.2019).
7. Pushkarev L.N. What is a mentality? Historiographic notes [Electronic resource]. - Access mode: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Pychkarev_01.pdf (accessed March 29, 2019).
8. Rozhansky Michael. Mentality // 50/50: The experience of the dictionary of new thinking. Under the total. ed. M. Ferro and Yu. Afanasyev. S. 459-461. - M.: Progress, 1989.560 s.
9. Rozov N.S. “Autumn” and the future “spring” of epistemology: prospects for nomological synthesis in the social sciences [Electronic resource]. - Access mode: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001100/st000.shtml> (accessed 04.04.2019).
10. Sobolnikov V.V. Mentality, mentality and ethno-psychological characteristics of the Chinese. - M.: University textbook, Infra-M, 2018.160 s.
11. Tellenbach G. Mentality in a medieval concept and the practice of research // History of mentality and historical anthropology: Foreign studies in reviews and essays. - M.: Institute of World History, RAS. Russian State University for the Humanities, 1996.256 p.
12. Kharitonova E.V. Correlation of the concepts of “mentality” and “mentality” [Electronic resource]. - Access mode: <https://pro-psixology.ru/istoriogenez-i-sovremennoe-sostoyanie-rossijskogo-mentaliteta/problema-mentaliteta-v-otechestvennom-sociogumanitarnom-nauchnom-znanii-i-obshhestvennoj-mysli-rossiistorist-teoreticheskij-analiz-nv-borisova-problema-mentaliteta-v-trudax-ia-ilina/5324-sootnoshenie-ponyatij-mentalitet-i-mentalnost.html> (accessed 01.04.2019).
13. Chartier Roger. Intellectual history and the history of mentalities: double revaluation? [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2004/66/shart2.html> (accessed 04.04.2019).